

unit and reproduced accordingly. The analysis shows that genealogical proximity or remoteness has a crucial impact on the choice of a translation method. Close genetic ties between a source and target language contribute to a fuller representation of conceptual meaning in translation including one obtained through phraseologization which is due to existing semantic analogies. The major ways of preserving a secondary connotation of phraseological conceptual lexical realia are transliteration for close languages (Polish, Russian) and hypernymic renomination or descriptive paraphrasing for distant languages (English, German).

Key words: the poem “Aeneid”, phraseological conceptual lexical realia, conceptual meaning, secondary connotation, way of rendering.

Стаття надійшла до редколегії
14.05.2014 р.

УДК 821.161.2

Лех Гемза

Один стих – целая философия (о стихотворении «Całe życie przed tobą...» Станислава Бараньчака)

В статье представлено образное богатство стихотворения польского писателя Станислава Бараньчака «Całe życie przed tobą...», определена его связь с другими поэтическими произведениями.

Ключевые слова: философия, разговор, гуманизм, «Новая Волна», новые задания, ситуативность.

Постановка научной проблемы и её значение. Вначале представим обыденную и вовсе не научную ситуацию. Для среднестатистического читателя она не только отождествляется с непониманием, но и показывает, в какой степени мы перестаём замечать другого человека. Сосредотачиваясь на собственном *ego* (как и на собственном *libido*), мы теряем контакты с окружающей средой, в лучшем случае они становятся для нас проблематическими. С ностальгией вспоминаем текст Тувима «Przy okrągłym stole», где тема представлена при помощи неоконченного разговора, который следовало бы продолжить и закончить:

*A może byśmy tak, jedyna,
Wpadli na dzień do Tomaszowa?
[...]
W tym białym domu, w tym pokoju,
Gdzie cudze meble postawiono,
Musimy skończyć naszą dawną
Rozmowę smutnie nie skończoną [4, s. 220].*

Тема литературного и философского разговора остаётся актуальной до сегодняшнего дня. **Цель** нашей публикации – представить его измерение в стихотворении Станислава Бараньчака.

Изложение основного материала и обоснование полученных результатов исследования. В прошлом остались те времена, когда разговор выступал формой искусства (хотя бы в высших слоях общества). Так или иначе, это была жизнь во имя других, посвящение им времени и внимания. Даже если до наших дней дошли всего лишь обрывки этого мировоззрения, и нашу тоску по простым формам бытия во имя других и с другими мы выражаем, просматривая тайком сериалы, поэзия подошла к этому вопросу более жестоко – «каждодневный речевой вздор» принято считать неавтентичным, банальным, неувлекательным. Это подчёркивает Светлицкий в известном произведении «Nieprzysiadalność»:

*spotykam j. p.
jest pijany jak świnia
a ja jestem trzeźwy
jak świnia*

*idziemy na kawę
on – między morzem wódki, a powrotem do domu
ja – pomiędzy kłótnią z jedną kobietą,
a rozmową z drugą, która być może także się przerodzi w kłótnię
siedzimy więc w knajpie
choćbym się nawet bardzo skupił
nie pamiętam w jakiej*

Разница между «несовременным» стихотворением Тувима и очень современным поэтическим произведением Светлицкого в сущности очевидна. С одной стороны, это недоконченный разговор, о котором постоянно помнят, с другой – пародия разговора, отвлекающая его участников от очередной жизненной неудачи. Он ничему и никому не предназначен. Банальная тема и прозаическая ситуация ещё раз подтверждают поставленный человечеству диагноз – в XX веке отношения между людьми деградировали.

Тихое и медленное умирание старых общественных ритуалов в очередной раз свидетельствует о том, о чем издавна говорят антропологи и философы: распад общества и его культуры сопоставляется с индивидуализацией и общественной атомизацией. Поэзия обращена к внутреннему конфликту человека, о чем с печалью сообщал Герберт: «Это мы бедные, очень бедные. Лучшая часть современного искусства поддерживает хаос, жестикулируя в пустоте или же рассказывает собственную историю опустошённой души» [2, с. 37].

Тем более ценны стихи, указывающие нам трудный путь, которым надобно дойти к другому человеку. Те, в которых «какое-либо Ты» для нас не опасно, наоборот – это для нас и вопрос, и новое задание. Таким исключительным произведением можно считать лирические наброски Станислава Бараньчака «Całe życie przed tobą»; исключительным, так как желание открыться на другого, чужого человека становится в нём обязательным. В то же время это философские стихи в непосредственном литературном измерении: они основаны на философии встречи, интеллектуальной интуиции Левинаса, Бубера, отца Тишнера.

*Całe życie przed tobą, spójrz; cały świat czeka
na ciebie tą poczekalnią, twarzą tego człowieka,
który zasnął nad stołem z rozlaną kałużą piwa,*

*nieogolony i zmięty; przed tobą całe i obce
życie, na stos śpiącego ciała zwalone w poprzek
twoje spojrzenia – i jest; i żyje; i żyjąc – wzywa*

*ciebie. Czy to jest właśnie to, czegoś się spodziewał?
Czy rodząc się, mogłeś wiedzieć, żeś tylko w jedno się przedarł
życie – że cała reszta czeka cię, obca i żywa? [1, s. 196]*

Стих сочетает в себе черты, наиболее типические для поэтики «Новой Волны»: идиома быта («вся жизнь у тебя впереди»), которая переводится на язык поэтический, отсылая нас к конкретной ситуации (вокзальный зал ожиданий, уснувший человек, разлитое пиво – это типическая картина, которую всё ещё можно встретить в польской среде), близка к элементам публицистики (бич пьянства и общественное признание этого типа поведения). Но, несмотря ни на что, это не публицистика в стихах (в чём часто упрекали «Новую Волну»). Ключевой проблемой становится жизнь – несчастливо в коротком произведении это слово появляется три раза, кроме того, имеем ещё два слова с тем же корнем: «живу» и «живя».

В стихотворении есть лирическое обращение к адресату. Лирическое «ты» проявляется в разговоре («вся жизнь у тебя впереди»), в императивном восклицании «посмотри» и в вопросе, волнующем читателя. Сюжетная линия произведения подчеркнута очень мастерски: девять последовательных стихов, поделённых на три строфы, при этом первое сложное предложение заканчивается только в начале третьей строфы. Два следующие предложения – это риторические вопросы. Переполненная ритмика («весь мир ждёт / тебя», «у тебя впереди вся твоя и чужая / жизнь», «сваленные впоперёк / твоего взгляда», «живя – призывает / тебя») усложняет чтение и лишает нас удобной

буквальной интерпретации. Содержательны у Бараньчака и рифмы: в двух первых стихах они парные (*czeka – człowieka*), в следующих уложены в схему *abbacca*, где две пары слов – это рифмы нерегулярные (*obce – w poprzek, spodziewał – przedarł*). Это так званые рифмы грамматические, основанные на типических суффиксах, которым свойственно изменение/чередование. Удивительным кажется то, что поэт, который способен так виртуозно сопоставлять рифмы на основе созвучия, решился на такое рифмотворческое клише, синоним китча поэзии. Предугадываем в этом приёме «испорченной поэзии» скрытые авторские мысли.

Композиция стихотворения по своей сущности двудольная. Первая её часть основана на первом обширном предложении, описывающим ситуацию. На фоне слаженных абстрактных метафор представлена банальная сцена быта: на железнодорожном вокзале в зале ожидания сталкиваемся с пьяным, спящим человеком. Разлитое возле него пиво – атрибут, символизирующий опьянение и вызывающий отвращение. Стоит отметить, что подобные образы были неотъемлемой частью коммунистического польского пейзажа и даже сейчас не являются редкостью. Вторая часть – это два вопроса, поставленные на основании описания.

Зал ожидания – место необычное; это пространство, в котором находятся «между» – либо в перерыве путешествия, либо в его начале, либо в конце. В любом случае над этими пространствами не властно время, мы их даже частично не замечаем, поскольку наши действия минимальны. Пребывание в зале ожидания считается хлопотным временем вынужденного простоя. Находимся в нём как бы в подвешенном состоянии, потому что эта «остановка времени» исключает все формы работы и даже отдых. Для нас это всего лишь потраченные часы. Это пространство можно идентифицировать с «выключенным временем». Пребываем в нём не так, как обычно, на самом деле немного не существуя.

Стихотворная система обоснована на вступительной фразе поэзии: «вся жизнь у тебя впереди». Что она значит? Это типичная фраза, над которой многие не задумываются. Как и другие языковые стереотипы, она срослась со своим содержанием, сегодня уже не до конца нам понятным. Так часто обращаемся к молодёжи, у которой в будущем много перспектив, что свидетельствует о её надежде и радости. Теми же словами поддерживаем, если кто-то потерпел поражение в начале жизненного пути, которое для юнцов может казаться большой трагедией, а взрослые в нём видят всего лишь очередной болезненный урок, неспособный преодолеть в человеке позитивное отношение к жизни. Следует также отметить, что эта фраза имеет более глубокое содержание в общественном измерении, которое мы воспринимаем бездумно и некритично. Моя жизнь – исключительно моя, открывающая лично для меня все возможности, поэтому я сделаю с этой жизнью всё, что пожелаю.

Лирический герой очень быстро лишает нас иллюзий по отношению к мудрости этих «жизненных уроков», укоренённых в языке. Если в первом стихе ситуация кажется стереотипной, то уже в следующем («весь мир ждёт / тебя») тиражированная мудрость подвергается жёсткой проверке. Мир становится залом ожидания, а зал отображается в лице одного человека. Кроме того, с ним мы менее всего хотели бы встретиться. Получаем ряд метонимий – залом ожидания становится мир, а в человеческом лице отображается целый зал ожидания – один человек заменяет нам целый мир. Это полное противопоставление той точке зрения, которая была во вступительном клише. Говоря о том, что «вся жизнь у тебя впереди» обычно имеем в виду множество возможностей, но в стихотворении они в один момент сужаются к последнему, необратимому концу. Более того, это чужой конец, соответственно конец не моей жизни – жизни, дарованной нам как пространство этического выбора.

«Лицо человека» является философской категорией, инспирированной необходимостью открытости по отношению к Другому/Чужому. Это философия диалога, синонимически называемая философией встречи. У её оснований лежит интуиция, что «быть» значит «быть для другого и с другим». Сущностью существования является встреча с другим, построение с ним отношений. Стоит отметить, что эта концепция во многом обязана религиозной иудео-христианской традиции и в то же время направлена против традиции Декарта. Понятие «лица» происходит от мысли Эммануэля Левинаса, который написал «Лицо, что запрещает нам убивать» [3, с. 79–80]. Это не соматическая дословность, а скорее всего метафора – встреча лицом к лицу как отношение с тем, что в каждом из нас наиболее имманентно, индивидуально, но вместе с тем наиболее уязвимо.

Эпифания лица – не всё, а собственно начало природы. Лицо обращает наше внимание на «костёр уснувшего тела». Бараньчак, описывая спящего, применил усложнённую метафору – жизнь не только воздвигнута на костёр, но к тому же «поперёк / твоего взгляда». Что из этого следует? 1) Чьё-то тело – костёр. 2) Жизнь человека – что-то ПОМИМО тела, что-то существующее независимо от жизни

телесной. 3) Вся структура является препятствием, которое случайный прохожий (по крайней мере, на первый взгляд) не в силах преодолеть.

Костёр вызывает ряд ассоциаций. О костре вспоминаем, имея в виду большое количество ненужных вещей, собранных в одном месте (кучу барахла). Костёр также ассоциируется с огнём – это может быть костёр жертвенный. Разожжённый костёр – сигнал бедствия и просьба о помощи. Мы должны учесть все возможные толкования. В стихотворении каждое из них дополняет друг друга. То, что общество воспринимает незнакомца, как мусор, видим из использованного эпитета «мятый». Жертвенный элемент – пожалуй, наименее очевиден – сочетается с изображением пролитого пива. Этот человек стал жертвой пьянства. И его крик о помощи высказан в словах: «живя – зовёт/тебя».

Выводы и перспективы дальнейших исследований. Таким образом, Бараньчак в поэтическом плане делает удивительную вещь – проблематизирует понятие «жизнь». Он призывает задуматься, что значит «жить»? Потому что, как выясняется, между «жизнью» одной и другой распространяется весь спектр возможностей. Самый простой, элементарный ответ, сводящий наше бытие к нескольким биологическим функциям, оказывается более, чем недостаточным. Прежде всего жизнь – это то, что с нами случается, но тогда мы должны взять на себя ответственность, жить осознанно и внимательно.

Второй аспект – назовём его пьяницей из железнодорожного зала ожиданий, это кто-то, кого все обходят стороной – учит нас внимательней смотреть на мир и его богатство. Он напоминает знаменитую фразу из поэзии Милоша: «Gdybyśmy lepiej i mądrzej patrzyli, / Jeszcze kwiat nowy i gwiazdę niejedną / W ogrodzie świata byśmy zobaczyli» («Miłość»). В этом понимании мы должны считаться с тем, что в мире есть зло и страдание, которое нельзя воспринимать равнодушно. Между «посмотри» и «взывает тебя» в стихотворении Бараньчака тесная, неотделимая связь. Остаётся вопрос: разве мы не избегаем взгляда, который «взывает»? Разве не избегаем его именно потому, что «взывает», а следовательно – требует, ставит задачу? Разве мы своим молчанием не соглашаемся с тем, что так остро изложил Станислав Бараньчак: «ты только в одну ворвался жизнь»? Но тогда это согласие на наше внутреннее пустое, болящее пространство.

Источники и литература

1. Barańczak S. Całe życie przed tobą / S. Barańczak // Barańczak S. Wiersze zebrane. – Kraków, 2006. – S. 196.
2. Herbert Z. Cena sztuki / Z. Herbert // Herbert Z. Martwa natura z wężidłem. – Warszawa, 2003. – S. 21–37.
3. Kłoczowski J. A. Filozofia dialogu / J. A. Kłoczowski. – Poznań, 2005. – S. 79–80.
4. Tuwim J. Przy okrągłym stole / J. Tuwim // Wiersze zebrane. T. 1. – Warszawa, 1975. – S. 220.

Гемза Лех. Один вірш – ціла філософія (про вірш «Całe życie przed tobą...» Станіслава Бараньчака). У статті показано образне багатство вірша польського письменника Станіслава Бараньчака «Całe życie przed tobą...» («У тебе все життя попереду...»), визначено його зв'язок з іншими поетичними творами доби. Автор виділяє основні риси поезії «Нової Хвилі», особливу увагу звертає на її гуманістичні мотиви. Згідно з ними, ключовою проблемою стає саме життя. У вірші зал очікувань із буденної ситуативності переходить у філософський простір, вказуючи на категорію існування. У цьому ж розрізі охарактеризоване людське обличчя. Станіслав Бараньчак вчить людей уважно придивлятися до світу, у буденних речах знаходити філософію життя і вчитися цінувати його багатство. Поезія не тільки зображає, а й закликає та навчає, змінюючи світ на краще – така основна ідея публікації, основаної на аналізі одного з поетичних творів Станіслава Бараньчака – «У тебе попереду все життя...»

Ключові слова: філософія, розмова, гуманізм, «Нова Хвиля», нові завдання, ситуативність.

Gemza Lech. One Poem – the Whole Philosophy (About the Poem of Stanislaw Baranchak “Całe życie przed tobą...”). The graphic riches of the poem of polish writer Stanislaw Baranchak «Całe życie przed tobą...» (“The whole life is in front of you...”) is represented in the article. It is determined its connection with another poetic works of epoch. The author marked the basic features of “New Wave” poetry, the main attention is payed to its humane motives. In accordance with them, the life becomes the main problem. The waiting hall, in the poem, changes from routine into philosophical space, showing existence category. A human face is characterized in this cut. Stanislaw Baranchak teaches the people to be more attentive to the world, to find the life philosophy in simple things and to appreciate its riches. The poetry doesn’t just depict, but calls and teaches, changing the world to better – it’s the main idea of publication, based on the analysis of Stanislaw Baranchak’s poem – “The whole life is in front of you...”

Key words: philosophy, conversation, humanism, “New Wave”, new tasks, situation.

Стаття поступила в редколлегию
19.03.2014 г.